

О ПРИНЦИПАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЯХ РУССКО-ВОСТОЧНОГО И ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИАЛОГА

Натэлла ЧАХВАДЗЕ

Полемизируя с западными культурологами, которые отождествляют русский и западный типы взаимоотношений с Востоком, автор предлагает новый подход к исследованию русско-восточного художественного диалога; рассматривает его в сравнении с западно-восточным и показывает, что эти диалоги представляют собой различные системы, сложившиеся в результате различного же действия географического, исторического, этнопсихологического и личностного факторов. Аргументируют авторскую позицию русские и западно-европейские музыкальные, живописные и литературные образцы, вдохновлённые Востоком.

Ключевые слова: *Ориентализм; система; взаимодействие культур; диалог; русско-восточный, межкультурные связи*

Российское музыкознание всегда придерживалось мнения, что одна из традиций отечественной музыкальной школы – особый подход к теме Востока, отличный от западно-европейского, направленный на постижение сущностного в инациональной культуре. Мнение это подкрепля-

лось конкретными анализами, фиксирующими в опусах русских авторов отдельные тематические, языковые, реже формально-содержательные соответствия аналогам в восточном фольклоре [А.И.Кандинский, 1981, с.19-43, И.Мартынов, 1987, с. 172-175].

Но появилась работа известного американского культуролога Э.В.Саида «Ориентализм». Трудami этого учёного эмоционально нейтральное слово «ориентализм» превратилось в одиозный термин, подразумевающий «определенный способ общения с Востоком» [Э.В.Саид, 2006, с. 8]: нацеленный на «контроль» [там же, с.24], «доминирование» и «осуществление власти» [там же, с.10], а опыт русско-восточного взаимодействия – исторического, общественно-политического, художественного, однозначно был приравнен западно-европейскому. И хотя и на Западе, и на Востоке звучат отдельные голоса в поддержку позиции Э. В. Саида [А. Халид, 2005], есть все основания задуматься – неужели русско-восточный диалог ничем не отличался от западно-восточного?

Если сложный процесс взаимоотношений России и Востока оценивать исключительно с внешней, историко-фактологической стороны, – возникает искушение «типологизировать» русско-восточный диалог, вписав его в мировой контекст под ярлыком «ориентализма». Для этого есть определённые основания: факт завоевания Россией Кавказа и Центральной Азии. Факт, при поверхностном и тенденциозном подходе позволяющий, например, форсированный процесс освоения многоголосия восточными культурами трактовать как проявление русской идеологической экспансии. Но беспристрастному исследователю, занимавшемуся проблемой взаимодействия культур, ясно – отождествление русско-восточного и западно-восточного диалогов некорректно, научно недостоверно. Достаточно вспомнить вдохновлённую Востоком музыку М.Глинка, А.Бородина, Н.Римского-Корсакова или С.Рахманинова, чтобы понять – не изучив подробно русско-восточные реалии, нельзя установить, что реализовалось в процессе взаимодействия – влияние или, как утверждал Э.В.Саид, власть. Но его зарубежные последователи конкретикой пренебрегают, в детали не вдаются, предпочитая «крупный план». Можно продолжить полемику на уровне масштабных обобщений, предложив новый подход к изучению русско-восточного взаимодействия.

И здесь помог сам Э.В.Саид. Проанализировав массу текстов (географических, исторических, политических, филологических, художественных), он выделил сущностные параметры ориентализма. Взяв их за точку отсчёта, можно выявить и обозначить – в самом общем плане – некоторые отличия, существующие между русским и западным отношением к Востоку. По Э.В.Саиду, Восток для Запада: «культурный соперник», «один из наиболее глубоких и неотступных образов Другого», феномен, который «помог Европе (или Западу) определить по принципу контраста свой образ» [Э. В. Саид, 2006, с. 8], объект не самоценный, а приспособляемый для «местных европейских нужд» [там же, с. 11], подменяемый «репрезентациями», не адекватными «естественным изображениям Востока» [там же, с. 37], «неотъемлемая часть европейской материальной цивилизации и культуры» [там же, с. 8].

Отличия очевидны: в русском сознании Восток никогда не связывался с образом «культурного соперника», а если и ассоциировался с образом «Другого», то, как свидетельствуют мемуарные, эпистолярные и художественные тексты и образцы, «Другого», как сразу или постепенно узнаваемого подобия [Н. В. Чахвадзе, 2009, с. 57-61]. Вспомним, например, процесс выявления родства тем русской и восточной у А.Бородина в симфонической картине «В Средней Азии» или первую часть Четвертой симфонии А.Глазунова, метаморфозы, которые претерпевает тема вступления: чуть варьируется ритм, инструментовка, меняется фактура, и она, поначалу русская, оборачивается восточной. Или любопытный факт, который можно обнаружить при сопоставлении «Повести о Ходже Насреддине» Л.Соловьева и автобиографической «Книги юности» того же автора: оказывается, реальной канвой локально-колоритных приключений Насреддина послужили отдельные авантурные эпизоды восточной одиссеи самого писателя.

Но по принципу контраста (как на Западе), а по принципу вскрываемого подобия Восток помог России «определить свой собственный образ».

Что же до «адаптации» Востока «для собственных нужд» и «подмены» естественных его образов «репрезентациями», то реконструированные по художественным произведениям особенности русского восприятия Востока и сходство, обнаруженное между ментальностью русской и восточной [Н. В. Чахвадзе, 2009, с. 8-160], позволяют утверждать, что даже «адаптированный» Восток русского композитора, художника, писателя окажется куда ближе «естественному», чем аналог западно-европейского автора.

Э.В.Саид описал тип отношения к Востоку, обнаруживающий себя в самых разных формах общественного сознания на Западе, то есть представил параметры, характеризующие ориентализм как систему. Значит, взятые нами в качестве точки отсчёта, эти параметры позволили выявить системные отличия между ориентализмом и русско-восточным диалогом. В русских мемуарных, эпистолярных, философских текстах и художественных произведениях отражен другой тип отношения к Востоку и он может рассматриваться как свидетельство существования принципиально иной системы взаимодействия. Осознанию этого мешает единственный неоспоримый момент сходства: для России, как и для Запада, Восток – неотъемлемая часть материальной и духовной культуры.

Заметим: трудов, рассматривающих русско-восточный диалог как системную целостность, не существует. Нет и исследований, представляющих проблему в том же ракурсе и объеме, в каких репрезентировал ориентализм Э.В.Саид. Но в отдельных областях гуманитарного знания, в частности, в музыковедении, искусствоведении, литературоведении имеется большое число фактологических сведений об усвоении русским искусством содержательно-формальных идей, восходящих к восточной культуре. Они позволяют

судить о характере этого усвоения и степени его соответствия восточной традиции. Опираясь на них, и на результаты собственных научных изысканий, можно попытаться охарактеризовать типы систем взаимодействия (диалогов), какими представляются западно-восточная (ориентализм) и русско-восточная.

Уточним, что под «системой» понимается структурная целостность, включающая комплекс элементов, связанных между собой функциональными отношениями, ориентированными на выполнение определенной цели. Ключевым в контексте статьи представляется понятие «двудеиной цели», выступающей в качестве системообразующего фактора [М. А. Гайдес, 2005, с. 25-29]. На «дуализм» её указывает М.А.Гайдес и поясняет: при том, что «цель перед системой всегда ставит другая система», и цель «не продуцируется самой системой, а приходит в неё извне», система может выбрать сама, какие действия ей необходимо совершить для достижения цели [там же, с. 30]. Ученый различает «цель-задание» – необходимость для данной системы произвести результат, заданный ей высшей системой, и «цель-стремление» – «желание данной системы выработать результат», равный заданному и нужный другой, внешней системе [там же]. Такое понимание цели позволяет увидеть, в чем сущность различий между русско-восточным и западно-восточным диалогами, и включает возможность их отождествления.

В своё время С.Н.Артановский писал, что взаимодействие – условие жизни и развития культур [Н.Артановский, 1982, с.44-56.]. В свете этого «цель-задание», осуществлению которой способствуют обе системы взаимодействия, русско-восточная так же как и западно-восточная, представляется одной и той же, *общей* для них, продиктованной высшей системой, культурой всего человечества, и она может быть условно обозначена как «постоянное обновление и развитие». Но вот «цели-стремления» у каждой из названных систем разные.

Э.В.Саид, сам того не подозревая, сформулировал суть «цели-стремления» одной, конкретной системы межкультурного взаимодействия – западно-восточной, определив её как стиль доминирования, осуществления власти над Востоком (далее она будет кратко именоваться «стремлением подчинить»). Представление о «цели-стремлении» русско-восточной системы взаимодействия могут художественные образы, представляющие Восток как «врага-друга» (у М.Лермонтова, Л.Толстого, М.Глинки, А.Бородина и др.), самоценный феномен (у А.Пушкина, М.Балакирева, Н.Римского-Корсакова и др.), узнаваемое подобие (у А.Блока, В.Хлебникова, А.Глазунова, С.Рахманинова, М.Врубеля, Н.Гончаровой и др.). Схематично и приблизительно она может быть охарактеризована как «стремление понять и быть понятым».

Своеобразие «целей-стремлений» западно-восточной и русско-восточной систем может быть объяснено различным действием объективных факторов, действующих на них: стабильных

географического, этнопсихологического, и мобильного исторического. Эти же факторы определяют роль и степень свободы творческой личности (субъективный фактор) в каждой из систем.

Географический подразумевает территориальную близость или отдалённость стран-представительниц культурных традиций, вступающих в контакт, их ландшафтные, климатические особенности, воздействующие на образ жизни и мироощущения; исторический – особенности исторического опыта и уровень стадийного развития культур, участвующих в контакте, условия контакта, в том числе экономические и социально-политические и др.; этнопсихологический – свойства национального характера, обнаруживающиеся в процессе межкультурного общения, эмоциональную реакцию на контакты, находящую отражение в искусстве и сущностные составляющие национальной ментальности, влияющие на процесс взаимодействия; личностный – уровень одаренности, особенности биографии, индивидуальные пристрастия, объясняющие степень заинтересованности инонациональной культурой.

Эмоциональная реакция европейцев на контакт с далеким Востоком как на чужое и чуждое (непривычные ландшафты, климат, нравы, обычаи) и тенденция к «насильственности», которую еще Н.Данилевский назвал «существенной особенностью психического строя» романо-германского культурно-исторического типа [Н.Я. Данилевский, 1991, с. 179] находят в полном соответствии с исторически и политически обусловленной экспансией. Факторы стабильные (географический, этнопсихологический) и мобильный (исторический) действуют *однаправленно и постоянно*, определяя интересы творческой личности и способствуя формированию цели-стремления «подчинить».

В результате возникает ориентализм – система *жесткая*, по необходимости исключаящая все лишнее. «Лишней», способной помешать слаженному её функционированию, оказывается активность Востока, подразумевающая всякое влияние, способное войти в противоречие с целью-стремлением подчинить чужое своему, западному. Складывается особый тип взаимодействия, где партнёру по диалогу изначально отводится пассивная роль: он мыслится в качестве воспринимающего или «поставщика» идей, стимулирующих творческую фантазию. В рамках этой системы появление таких феноменов как вдохновлённый желанием постичь дух инонациональной культуры «Западно-восточный диван» И.В.Гёте всегда будет явлением единичным и исключительным, а таких как «Набоб» А.Доде или «Лакме» Л.Делиба – закономерным.

С русско-восточной системой все обстоит иначе. Географически Восток для русских – это прежде всего ближайшие соседи. Народы, населявшие «Великую степь», Центральную Азию, Казанское и Крымское ханства, Кавказ, – чужие, но не такие уж чуждые, поскольку издавна знакомые. И лишь потом – турки, арабы, палестинцы, индусы, китайцы... Понятие «Восток» для русских более

широкое, в то же время дифференцированное, и, по крайней мере в отдельных своих проявлениях вполне конкретно-известное, а не исключительно экзотическое.

Восток для России был одновременно и «врагом» и «другом», и «чужим» и «своим». Судя по историческим, художественным, эпистолярным и мемуарным образцам [А.С.Пушкин, 1954, с. 20-21; М. И. Глинка, 1988, с. 57; К. Н. Леонтьев, 1996, с. 95; Н. К. Рерих, 1974Б с. 12]. Восток понимали и принимали – пусть не всегда, но время от времени. Интересные свидетельства такого рода можно найти у известного учёного-арабиста И.Крачковского – он указывает на «следы неожиданного исламофильства» в литературе о Востоке, созданной еще в XVI веке [И. Ю. Крачковский, 1950, с. 22-24]. Так, географическая близость, участие тюркского элемента в сложении великорусского генотипа, и главное, склонность сживаться с жизнью иноплеменников – всё, казалось бы, предрасполагало к отказу от насильственности во взаимоотношениях с Востоком. Но, как свидетельствует история, реальный ход событий часто шёл «вразрез» с тем, какого можно было бы ожидать, учитывая особенности русского характера. То есть факторы стабильные, географический и этнопсихологический – с одной стороны, мобильный исторический – с другой, могли менять вектор действия по отношению друг к другу, и иногда силы их оказывались разнонаправленными.

Так, например, политическая составляющая мобильного фактора времен завоевания и «колонизации» Кавказа и Центральной Азии может быть обозначена аналогично западноевропейской как «стремление подчинить», а константой, обуславливаемой факторами стабильными, окажутся терпимость и «стремление понять». При таких условиях сектор свободы для субъективного фактора увеличивается. Для русского художника шире спектр представляющихся возможностей, чем для западного. Сразу по завершении колонизации возникают художественные феномены, заставляющие усомниться, что исторический фактор строго ориентирован на «подчинение». По мере увеличения прямых контактов с Востоком тенденция к постижению его подлинной, а не романтически-приукрашенной сути усиливается, и к началу XX века приводит к восприятию и отражению «восточного» как «своего» (у С.Рахманинова, А.Блока, Н.Гончаровой, В.Серова, Н.Рериха и др.). То есть активность Востока возрастает. В советское же время уже все

объективные факторы, исторический в том числе, ориентируют на «понимание» Востока, то есть действуют однонаправленно. Создаются беспрецедентные условия для усиления восточного влияния. Доказательство – рождение *новых форм взаимодействия*. Одна из них – многообразная творческая работа представителей русской традиции на восточную культуру, сознательно нацеленная на постижение, сохранение, воссоздание сущностных её особенностей. (Так например, после революции способствовали становлению национальных композиторских школ в Узбекистане композиторы В.Успенский, А.Козловский, С.Василенко, в Таджикистане – А.Ленский, И.Рогальский; в Казахстане – Е.Брусилковский, В.Великанов; в Туркмении – А.Шапошников; в Киргизии – В.Власов.)

Другая форма взаимодействия – самореализация русских художников на восточном материале, появление таких фигур, как В.Успенский, А.Козловский в музыке, А.Волков, П.Кузнецов в живописи, Л.Соловьев в литературе.

Опыт последних двух столетий показывает, что процесс развития русско-восточных взаимоотношений, в отличие от западно-восточных, протекал в условиях *непостоянного*, то разнонаправленного, то однонаправленного, *действия объективных факторов*. Русско-восточная система по необходимости должна была быть более гибкой и устойчивой, чем жёсткая система ориентализма, сформировавшаяся под *постоянным однонаправленным их воздействием*. Существованию первой никогда не угрожала активность партнёра по диалогу, и она могла допустить (и допускает) вариативность поведения субъективного фактора. Представляется, что *русско-восточная система* относится к числу *дискретных (корпускулярных)*, элементы которых, говоря словами Л.Гумилёва «хоть и не связаны между собой жёстко», но нуждаются друг в друге и объединены невидимой «осью связующей» [Л. Н. Гумилёв, 1990, с. 26]. Этой «осью», очевидно, является «положительная комплиментарность» [там же, с. 28], обуславливаемая чертами сходства на уровне русского и восточного мировосприятий. Именно в рамках подобной системы возможно возникновение произведений разных типов: как ориентированных на постижение и воссоздание сущностных начал восточной культуры, так и близких к ориентализму, акцентирующих внешние, условно-стилизированные приметы Востока.

ЛИТЕРАТУРА

Артановский С.Н. Методологические вопросы изучения мировых культурных контактов // Методологические проблемы исследования истории культуры. Л.: ЛГИК, 1982. С.44-56.

Гайдес М.А. Общая теория систем (системы и системный анализ). Изд. 2-е, испр. М.: Глобус-Пресс, 2005.

Глинка М.И. Записки. М.: Музыка, 1988.

Гумилёв Л.Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.

Кандинский А.И. О реализме и романтизме в русской музыке второй половине XIX века // Вопросы методологии советского музыкознания. Сб. науч. трудов. М.: МГДОЛК, 1981. С.19-43.

Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.

Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М.: Республика, 1996.

Мартынов И. Восточная традиция в русской музыке // Традиции музыкальных народов Ближнего, Среднего Востока и современность: сборник материалов Второго Международного музыковедческого симпозиума, Самарканд, 7-12 декабря 1983г. М.: Советский композитор, 1987. С.172-175.

Пушкин А.С. Письма. Полн.собр.соч.: в 9-ти т. М.: Правда, 1954. Т.8.

Рерих Н.К. Из литературного наследия. М.: Изобразительное искусство, 1974.

Саид Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб: Русский мир, 2006.

Халид А. Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С.311-323.

Чахвадзе Н.В. Россия и Восток: ментальность, отражённая в искусстве: Монография. Магнитогорск: МаГК, 2009.

Чахвадзе Н.В. Этнопсихологический фактор и проблема самоопределения русского искусства в системе координат «Запад-Восток» // Проблемы музыкальной науки. 2009. №2(5). С.57-61.

On the fundamental differences between Russian-Eastern and Western-Eastern artistic dialogue

Arguing with western culturologists, that identifies Russian and western types of contacts with Orient, author create new way of exploring of Russian-Oriental art dialogue . He comparing it with western-oriental and shows that this dialogues are different systems, appeared as a result of different geographical, historical, ethnopsychological, subjective factors. Author arguments are Russian and European musical, pictorial, an literature artworks, inspired by Orient.

Keywords: Orientalism; system; cooperation; dialogue; Russian-oriental, Russian-Eastern, intercultural ties